

Прервав поток воспоминаний, Дун Цзинь решил больше не заикливаться на роли спасителя мира. Достаточно покрасовался. Порывшись в памяти о тысяче ночей, он выудил несколько ярких эпизодов, чтобы утолить любопытство чрезмерно заинтересованной девушки-аномалии.

По правде говоря, он был ей благодарен. Самому хвастаться прошлым — дурной тон, но когда тебя расспрашивают... совсем другое дело. Раз ей так интересно, почему бы и не поделиться?

— Не думай обо мне столь дурно... Я попал в тюрьму сразу после рождения, что я мог им сделать?

"Ты говоришь, что оказался в тюрьме с рождения, и просишь не считать тебя опасным?!" — девушка-аномалия схватила большую подушку с кресла, пытаясь скрыть мелькнувшее на лице выражение.

Впрочем, её реакция была не самой красноречивой. Зрители трансляции метались между верой и неверием в его слова.

[В этой комнате же нельзя лгать? Так он правду говорит или нет?]

[Сложно сказать, очень сложно. Его слова звучат настолько правдиво, что кажутся абсурдными, и настолько абсурдно, что звучат правдиво.]

[Что за бессмысленная болтовня. У меня мозгов не хватает понять, где правда, а где ложь. Даже не знаю, использовала ли жена свою способность. Хочу лишь сказать — жена, ты потрясающая! Чмоки-чмоки!!!]

Когда Дун Цзинь продолжил свой рассказ, и зрители, и присутствующие в комнате буквально остолбенели.

— Не верите? Если говорить строго о боевой силе, я не обязательно окажусь сильнее тебя.

Конечно, это если не жертвовать остатками жизни.

Пока аномалии переваривали услышанное, Дун Цзинь оценивал их боевой потенциал Оком истины. Вывод оказался прост — пожертвуй он последними шестью днями жизни, и в честном поединке один на один любой из присутствующих падёт от его руки.

Ведь жизнь — товар, чья ценность лишь возрастает к концу.

— Сила никогда не была обязательным условием, — подал голос молчавший до этого Ка Лэ, пристально глядя на Дун Цзиня.

Они сидели на одном диване: Дун Цзинь небрежно развалился на правом краю, а Ка Лэ, устроившись слева, с момента появления не сводил с него глаз.

"Аномалии всегда так пьются, не моргая? Или он моргает, а я не замечаю?"

В этот момент Дун Цзинь не мог определить, что раздражает его больше — слова Ка Лэ или его неотрывный взгляд. На мгновение его брови едва заметно нахмурились.

Нельзя отрицать — слова Ка Лэ задели за живое.

Лишь тот, кто родился со всеми привилегиями, мог так легкомысленно заявлять, что "сила не важна".

Будь сила неважна, разве пришлось бы ему двадцать лет балансировать на грани смерти, только чтобы достичь того уровня здоровья, с которым другие рождаются?

Будь сила неважна, разве сидел бы он здесь сейчас, поставив на кон жизнь тысячу раз, делаясь воспоминаниями с остатком в шесть дней?

Ка Лэ мог позволить себе пренебрегать силой. Дун Цзинь — нет.

Сегодня он здесь именно для того, чтобы показать миру, вселенной, людям и богам, на что способно существо с самого дна эволюционной цепочки, если оно достаточно упрямо.

Он просто не мог смириться.

Несмотря на несогласие, Дун Цзинь сохранил невозмутимость и слегка кивнул Ка Лэ, словно признавая его точку зрения.

Затем он начал делиться эпизодами своей жизни после перемещения:

— Как я уже говорил, в тюрьму я попал сразу после рождения.

— Через какое-то время я отправился в одно занятное место и развлекался там некоторое время. После этого сотня планет изменила свои законы из-за меня.

Никто из аномалий не спросил, как ему удалось выбраться из тюрьмы.

Они молча переваривали услышанное.

На самом деле Дун Цзинь сильно преуменьшал масштабы, стараясь не раскрывать историю о тысяче полночей. Не сотня планет меняла законы — почти каждая вселенная из тех тысячи, что он прошёл. Об этом как-то упомянул Лэй Мин во время погони, используя факт для насмешки.

Всё потому, что в тех снах-мирах Дун Цзинь действовал без каких-либо ограничений.

Вот несколько примеров.

В современном мире, где фантастические существа рождались из человеческих эмоций, накануне войны между людьми, богами и демонами, он в одиночку захватил телецентр, вещающий на весь мир. Никакого благородства — просто взял и захватил.

Семь дней он крутил заранее записанную "Дьявольскую трель" Паганини, рассказывая под неё жуткие истории всему миру.

Спустя семь дней началось нашествие духов, вступивших в войну на стороне людей.

Война людей, богов и демонов превратилась в хаотичную свалку всевозможных мифических существ. Сюжет подземелья полностью разрушился.

И это ещё цветочки — хотя бы не затронуло порядок других вселенных.

А вот когда он попадал в миры с развитой паранормальщиной, но слабыми технологиями... тут он становился настоящим "королём мошенников".

Простейшие схемы вроде "Поздравляем, вы выиграли главный приз!", "Я [вставить имя] перевожу деньги" и "Полежи на земле — получи золотые горы" приносили достаточно денег на оружие.

Продвинутые же методы включали что-то вроде финансовых пирамид — набрав приличную сумму за короткий срок, он мог обрушить экономику целого мира.

Ведь это всего лишь подземелье — никаких моральных терзаний.

Дун Цзинь не переживал, но разумы вселенных, наблюдавшие за его похождениями, были в ужасе.

Возможно, из-за различий в мышлении разных видов в разных вселенных, но его выходки были беспрецедентными не только внутри подземелий, но и в реальных мирах.

В результате после каждого пройденного подземелья потрясённая вселенная спешно принимала новые законы.

Вот что значит "король злодеев" — именно он.

Если бы опыт подземелий можно было перенести в реальность, никто в этой комнате не сравнился бы с ним по уровню злодейства.

По мере того как Дун Цзинь небрежно делился историями (весьма урезанными), в апартаментах воцарилась гробовая тишина.

А его отстранённый, почти равнодушный тон заставил даже аномалий, не считавших людей за существ, покрыться холодным потом.

В этот момент все присутствующие, кроме Ка Лэ, думали одно и то же: "Откуда эта дверь выудила такого психа?"

Некоторые аномалии даже подумывали силой запихнуть это оружие массового поражения

обратно.

— Конечно, мои похождения не идут ни в какое сравнение с вашими.

[Нет-нет-нет, тут ты уж слишком скромничаешь.]

Одиннадцать аномальных существ синхронно отреагировали почти одинаковым выражением лиц.

— Планеты оказались слишком гостеприимны. Мало того, что изменили ради меня законы, так ещё и каждая назвала спасителем, — произнёс Дун Цзинь.

[А может, у них просто не было выбора, кроме как быть гостеприимными?]

— И не только планеты проявили радушие. Вселенский разум нашей вселенной тоже оказался крайне благосклонен — представляете, написал мне тридцать любовных писем.

[Какой нормальный вселенский разум станет писать любовные письма? Ваш точно мутировал!]

— Я не склонен к излишней скромности.

[Учитывая твою опасность, может, стоит быть поскромнее?]

— Как я уже говорил, в узком смысле боевой силы я, возможно, уступаю вам.

[Вот теперь ты действительно скромничаешь.]

— Но если речь о том, чтобы уничтожить конкретного человека или целую вселенную — думаю, с этим я справлюсь.

[Какие у тебя заблуждения насчёт нашей силы? Мы вообще не способны уничтожать вселенные!]

— Надеюсь на дружеское общение с вами в дальнейшем.

[Это он серьёзно про дружбу? Он правда считает нас достойными?]

С каждой фразой Дун Цзиня одиннадцать аномалов, ёрзающих на диване, мысленно отпускали едкие комментарии.

Когда он закончил говорить, даже самая болтливая из них, та, что только что выпытывала сплетни, невольно прикусила язык. Лишь Ка Лэ, как обычно погружённый в собственный мир, продолжал неподвижно сидеть слева на диване, сохраняя всё то же нечитаемое выражение пристального взгляда.

В воцарившейся жуткой тишине наконец заговорила та самая словоохотливая аномалка — после настойчивых взглядов остальных она неуверенно произнесла:

— Раз уж мы все вышли из Врат, конечно, будем помогать друг другу. Если у вас... у тебя возникнут трудности, можешь обратиться к нам. Я обязательно помогу, чем смогу.

Произнеся эти слова, она сама едва сдержала тошноту.

Они, порождения гор трупов и рек крови, кто станет всерьёз разыгрывать этот фарс взаимопомощи? Но раз уж этот невесть откуда взявшийся небожитель так сказал, не могла же она громко заявить "я отказываюсь"?

Да, она аномал, но мозги-то у неё не мутировали.

А эти самцы, почему такие трусливые? Один тактически отпивает воду, другой тактически прихлёбывает чай, а ещё один...

Взгляд аномалки скользнул по собратьям, пока не остановился на неподвижном, словно статуя, Ка Лэ. Заметив его взгляд на Дун Цзине — взгляд, полный еле сдерживаемой, рвущейся наружу жажды пожирания, она мысленно тяжело вздохнула.

А этот и вовсе бесполезен. Судя по всему, втрескался по уши.

Который сейчас час?

О, 15:23. Неужели прошло всего 20 минут? Как такое возможно?

Впервые в жизни эта дурацкая чайная встреча показалась ей длиннее собственного существования.

У Дун Цзиня не было нужды в помощи этих аномалов — всё, что он собирался делать, противоречило их интересам. Хотя срочных дел у него не имелось, он заметил одну небольшую проблему — взгляд Ка Лэ становился всё опаснее.

А ведь это только первый день подземелья.

Почему он вчера не заметил такой нестабильности в Ка Лэ?

Дун Цзинь никак не мог взять в толк — разве можно так смотреть на человека, которого видишь впервые в жизни, да и то мельком? Этот взгляд, подобный тлеющим углям. Даже любовь с первого взгляда не бывает столь стремительной и глубокой.

Неужели он и правда какой-то безнадежный романтик?

В любом случае, стоит опробовать одно средство.

Если этот тип сдержится в оставшиеся шесть с половиной дней, можно будет сделать вид, что ничего не произошло.

Погружённый в размышления, Дун Цзинь слегка изогнул губы в улыбке. Казалось бы, самая обычная улыбка, но в сочетании с алым шрамом у рта она приобрела оттенок зловещей насмешки — словно безумец или божество издевается над мирской суетой.

Женщина-аномал, мельком увидев эту улыбку, невольно содрогнулась.

— У меня нет срочных просьб к присутствующим, — размеренно проговорил Дун Цзинь, не теряя улыбки, отчего его слова приобрели леденящий оттенок. — Но есть небольшая проблема, по которой хотелось бы услышать ваше мнение.

— За дверью у меня есть одержимый поклонник.

— Настолько одержимый, что преследует меня днём и ночью, каждый час, каждую минуту.

— Мои кости, моя кровь, даже моя плоть и душа — он уже считает всё это своей собственностью.

— Как мне быть с таким поклонником, чья сила намного превосходит мою?

В каждом слове Дун Цзиня не было и тени лжи.

У него действительно имелся преследователь.

Вот только не с любовью, а с жаждой убийства.

В этот самый момент Лэй Мин, которого Дун Цзинь назвал "поклонником", бесцельно переключал трансляции. Но в ту секунду, когда прозвучали эти слова, его палец замер над экраном.

С начала испытаний Лэй Мин ни разу не заходил в трансляцию Дун Цзиня. Прежде он узнавал о действиях юноши во время трансляций лишь потому, что дело происходило в полночь, когда он избрал Дун Цзиня своей целью.

Сейчас же солнце стояло в зените, и он никак не должен был услышать эти слова.

Но услышал.

Потому что в это мгновение между ними впервые возник резонанс.

Почему боги так колеблются и многократно размышляют перед "божественным избранием"? Потому что оно влияет не только на испытуемого, но и на них самих.

Чем выше совместимость между богом и испытуемым, тем легче возникает резонанс.

При таком резонансе бог может односторонне видеть глазами испытуемого и чувствовать его душевное состояние.

Если бог пожелает, он может даже явиться призрачной тенью за спиной избранника. В этом случае испытуемый получит максимальный доступ к силе божества — до тех пор, пока не исчезнет резонанс и призрачный образ.

Все понимали, что это фактически чит для прохождения подземелья.

Но резонанс невозможно вызвать по желанию.

Даже за десять тысяч лет существования "Божественного Отбора" случаи резонанса в истории испытаний можно пересчитать по пальцам.

В этот раз Дун Цзинь случайно активировал резонанс по двум причинам: во-первых, он упомянул бога и прекрасно понимал его душевное состояние; во-вторых, их совместимость оказалась настолько высокой, что даже при взаимной неприязни их души неудержимо тянулись друг к другу.

— Поклонник... как смело сказано, — Лэй Мин будто невзначай коснулся своей чёрно-белой полумаски.

Этот жест скрыл его тонкие губы, искривлённые в беззвучной насмешке.

Он не собирался отрицать ни единого слова Дун Цзиня.

Он лишь намеревался в будущем воплотить каждое из них в реальность.

Ему нужны не только кровь и плоть — он хотел содрать кожу, вырвать кости, терзать каждый дюйм тела.

Иначе как утолить ненависть, копившуюся все эти годы?

— Поклонник, с которым даже ты не можешь справиться... — женщина-аномал скривилась, словно от зубной боли. — Насколько же он силен?

Хоть бы эти небожители разбирались между собой без её участия.

Она не могла представить, какой силой и безумием нужно обладать, чтобы не только положить глаз на Дун Цзиня, но и заставить его признать своё бессилие.

Нет, про степень безумия она как раз могла догадываться.

С этой мыслью женщина-аномал украдкой взглянула на Ка Лэ — и заметила, как его лицо, не меняя выражения, заметно потемнело.

Ха-ха... наверное, дело в освещении. Хотя днём в пентхаусе свет и не включали.

Дун Цзинь не знал, что изначально на верхнем этаже обитало около двадцати аномалов.

Просто малую часть, имевшую неосторожность разозлить Ка Лэ, он методично уничтожил при первой возможности. Поэтому, хоть Ка Лэ никогда не вмешивался в дела, при каждом голосовании за лидера его кандидатура неизменно проходила.

— Выходит, сила всё-таки важна, — человек с головой овцы, У Ли, видимо, решил нарушить затянувшееся молчание. Увы, такт был ему неведом.

Золотые глаза Ка Лэ, до сих пор не достаивавшие его взглядом, дрогнули.

В следующий миг он поднял веки и уставился на У Ли, пока тот не застыл, как кролик перед удавом, и не пролепетал: "Я сказал что-то не то?"

— Нет, ты прав, — бесстрастно ответил Ка Лэ.

"Раз я прав, может, перестанешь так жутко смотреть?"

В этот момент ни один из присутствующих аномалов не горел желанием помогать Дун Цзиню с его романтическими проблемами.

Им не нужны были чужие чувства, им хотелось сохранить свои жизни.

— Время подходит, может, проголосуем за лидеров на следующие три дня? — одноглазый аномал рядом с женщиной наконец набрался храбрости нарушить гнетущую атмосферу, после того как она несколько раз пнула его под столом.

Хотя время ещё оставалось, и аномалы по природе своей были бунтарями, в этот момент никто не стал возражать.

— Тогда по традиции каждый расскажет о своём величайшем достижении, — подхватила женщина-аномал, с облегчением переводя тему.

— После этого проведём тайное голосование, каждый напишет два номера.

Говоря это, она раздала всем тринадцать номерных жетонов.

Дун Цзинь получил тринадцатый.

Какое удачное совпадение.

Слушая, как аномалы с упоением описывают свои злодеяния, глядя на остатки закусок на столе, Дун Цзинь вдруг вспомнил знаменитую картину с Земли — "Тайную вечерю".

Интересно, кто здесь Иуда, а кто Христос?

Возможно, нет ни Иуды, ни Христа, но он точно станет тем, кто держит нож, — и отправит всех этих иных существ обратно в преисподнюю.

После того как знакомые друг с другом аномалы закончили свои хвастливые рассказы, очередь дошла до двенадцатого номера — Ка Лэ.

А следующим был Дун Цзинь.

К этому моменту он уже утратил интерес к происходящему.

Эти так называемые иные просто упивались своей необычной природой и силой, творя бесчинства. Появись они не здесь, а хотя бы во вселенной третьего уровня, откуда прибыл он сам, нашлось бы немало существ, способных преподать им урок.

Кроме Ка Лэ.

Дун Цзинь до сих пор не мог разгадать его. Ни истинного предела его силы, ни того, что он совершил в прошлом.

И когда Дун Цзинь с неохотой приготовился услышать о величайших свершениях Ка Лэ, тот произнёс:

— Я встретил одного человека.

— Что? — женщина-аномал переспросила, решив, что ослышалась.

В прошлые выборы лидера Ка Лэ либо пропускал свою очередь, либо небрежно упоминал одно из своих музыкальных произведений — видимо, считая каждое из них величайшим достижением.

И этот законченный эгоист сегодня сказал такое?

— Я встретил человека. Или, возможно, не человека, — повторил Ка Лэ. Его низкий голос, охрипший от долгого молчания, особенно отчётливо прозвучал в вновь воцарившейся тишине просторного зала.

— Это величайшее событие с момента моего появления на свет.

Встреча с Дун Цзинем затмила все прошлые свершения.

Ка Лэ знал, что до смерти не забудет тот миг, когда зазвучала мелодия "Короля демонов".

Каждое слово, сказанное сегодня Дун Цзинем, словно огненное вино заливало его сердце, а затем вспыхивало неугасимым пламенем.

Бушующее пламя смешивалось с тлеющими углями, проникая в каждую клетку его костей, в самую душу.

Его "Нисхождение бога" нуждалось в новой аранжировке.

Потому что лишь в тот миг, в тот взгляд он по-настоящему понял, что значит нисхождение божества.

Он — звезда в небесах. Его приход в мир смертных — истинное снисхождение.

"Безумно... влюблённый... псих..." — Дун Цзинь, собиравшийся внимательно выслушать историю Ка Лэ, едва не задохнулся от этих слов.

Выходит, он зря так красочно расписывал свои любовные проблемы — этот тип не воспринял ни слова?

Ах да, он забыл — тот не человек.

У него нет ни стыда, ни моральных принципов. Если чего-то хочет, то добивается любой ценой.

Воистину, худший из возможных вариантов.

— А теперь послушаем номер тринадцать, — произнесла женщина-аномал.

Она совершенно не знала, как реагировать на Ка Лэ — у неё с рождения была аллергия на всё, связанное с любовью. Поэтому она предпочла сделать вид, что ничего не заметила, торопясь поскорее дать слово последнему выступающему и закончить это чаепитие.

Вот только тринадцатым номером оказался Дун Цзинь.

Он не стал подыгрывать Ка Лэ — впрочем, при его погружённости в собственный мир, в этом и не было необходимости.

— Величайшее достижение в моей жизни... — невозмутимо произнёс он. — Если провести аналогию, это как подбросить монету тысячу раз подряд и каждый раз получить орла.

Никто из присутствующих не воспринял "монету" в его словах буквально. Но если остальные

промолчали, то Ка Лэ не удержался от вопроса:

— Что именно ты имеешь в виду под монетой?

Дун Цзинь снова слегка нахмурился. Наконец он пристально посмотрел на Ка Лэ сквозь повязки:

— Свою жизнь.

Я ставил на кон жизнь тысячу раз и выиграл с вероятностью, равной единице, делённой на два в тысячной степени.

После тысячи смертельных ставок я, оставаясь человеком, за двадцать лет прошёл путь эволюции длиной в миллионы лет.

Если это не величие, то Дун Цзинь не представлял, что вообще можно считать достойным упоминания.

Романтическую любовь, что ли?

"Что творится с этими двумя?" — женщина-аномал устала от гнетущей тишины, возникавшей после каждой реплики Дун Цзиня и Ка Лэ. Она торопливо достала тринадцать одинаковых белых листков и быстро раздала их присутствующим.

Когда все аномалы закончили писать номера чёрными ручками, она безропотно собрала бумажки и принялась зачитывать имена.

Благодаря её стараниям процесс голосования заметно ускорился.

Когда огласили финальные результаты, Дун Цзинь без удивления увидел в списке избранных своё имя рядом с именем Ка Лэ.

Зачем бы ещё он рассказывал всё это? Чтобы развлечь аномалов историями?

Человек с головой овцы, сидевший неподалёку, казалось, был недоволен результатом, но, бросив взгляд сначала на Ка Лэ, потом на Дун Цзиня, благоразумно проглотил все возражения и молча удалился.

Получив желаемое, Дун Цзинь под бормотание женщины-аномала — "не забудьте прийти завтра в три в банкетный зал отеля, вам с Ка Лэ нужно встретиться с людьми и найти что-нибудь полезное, прежде чем взорвать Город Начала" — размеренным шагом покинул номер.

Ка Лэ хотел последовать за ним, но замер под выразительным взглядом женщины-аномала.

— Что ты хочешь сказать? — обычно он игнорировал других, но её характер был ему знаком: она не стала бы так явно намекать без веской причины.

— Ты ведь понимаешь, что Дун Цзинь неспроста упомянул про поклонника?

Ка Лэ не любил вмешательства посторонних, да и сама женщина-аномал не горела желанием лезть в эти любовные дела. Но среди уничтоженных Ка Лэ аномалов оказался её заклятый враг, так что она чувствовала себя обязанной.

— О чём ты? — нахмурился Ка Лэ.

— Он намекает, чтобы ты отступился. Похоже, ты его не интересуешь. Может, сдашься?

"Так ты вообще ничего не поняла".

В этот момент женщина-аномал почувствовала себя так, словно получила дубиной по голове. Она могла поклясться, что тщательно подбирала каждое слово, чтобы не задеть его чувства.

Услышав её слова, Ка Лэ, застывший на месте, вдруг рассмеялся.

Не той привычной усмешкой, полной притворства или презрения, а громким смехом, пронизанным безумием и хаосом.

— Ты всё неправильно поняла. Разве моя любовь к нему так поверхностна?

— Это любовь не только к нему, но ко всему миру, ко вселенной, ко всему дерзкому и великолепному!

Дун Цзинь, конечно, мог отвергнуть его, но разве сам Ка Лэ мог отказаться от этого безумия, налетевшего подобно урагану и не имеющего равных?

<http://bllate.org/book/13401/1193041>